

ПУШКИН

без глянца

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6
П91

Составление и предисловие Павла Фокина

П91 **Пушкин** без глянца / [сост. и предисл. П. Фокина]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2025. — 271 с. — (Серия «Без глянца»).

ISBN 978-5-517-12099-1

В этой книге фрагменты воспоминаний современников о Пушкине собраны в тематические блоки, позволяющие взглянуть на поэта с самых разных сторон. И отмечается только то, что непосредственно касается Пушкина, исключительные факты и свидетельства из первых уст.

**УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6**

ISBN 978-5-517-12099-1

© Фокин П. Е., составление, предисловие, 2025
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2025

*Доброй памяти
Владимира Георгиевича Мафандмана,
Просветителя, Переводчика, Поэта*

«Об Пушкина!»

Нащокин беспрестанно повторяет, что на Пушкина много сочиняют и про него выдумывают.

П. И. Бартнев

Спириты уверяют: самый нервный и недоброжелательный дух, который с порога начинает огрызаться и сквернословить, когда его вызывают и принимают, — Пушкин. Наше всё! Солнце! Многие дивятся. Озадачены. Но опытного спирита не смутить. Да и простому смертному, поразмыслив, нетрудно догадаться: задержали покойника, за...

Был такой анекдот в советское время. Попадает на тот свет новичок, осматривается. Видит — кругом прежние покойники лежат, время от времени ворочаются. Загробный дух ему поясняет: мол, те, кого на земле поминают, те и ворочаются. «А это что за два пропеллера?» — изумленно спрашивает новенький. «А это Петька и Василь Иваныч!» Сейчас, поди, у Петьки с Василием Ивановичем передых настал (разве что какой Пелевин вспомнит!), а вот уж кто неустанно обороты накручивает, так это наш Александр Сергеевич, «милый», как какой-нибудь турбогенератор (прости, Господи!). В юбилейные годы и вовсе на износ.

Один пушкинист рассказывал как-то, уж не знаю из каких источников, что в Интернете ежедневно (!) появляется девять новых (якобы) статей о Пушкине, а каждый десятый день — десять! Год, тогда, впрочем, был именно юбилейный, да особенно круглый к тому же, но пушкинисты и ныне не унимаются. И благо бы только они — всё же народ серьезный, почтительный и добросовестный. Исполать им! А сколько разнород-

ных любителей и любительниц! То допишут за Пушкина что-нибудь, то, напротив, опровергнут каноническое прочтение. А есть еще восторженные «училки», заходящиеся в истерику от одного только имени Пушкина; есть многомиллионная армия их озлобленных учеников, зубрящих «мороз и солнце, туча мглою». Есть авторы учебников, журналисты, публицисты, писатели, поэты (профессионалы и графоманы, последние особенно охочи с Пушкиным пообщаться). Любят Пушкина президенты и мэры, сенаторы и депутаты, министры и их подчиненные. Индекс цитирования зашкаливает! Простой народ, и тот всегда, к случаю и нет, Пушкина помянет.

У Хармса, помните? Выходит Пушкин на сцену, спотыкается, падает. За ним выходит Гоголь, спотыкается об Пушкина, падает, восклицает: «Об Пушкина!» Пушкин поднимается, идет дальше, спотыкается об Гоголя, падает, восклицает: «Об Гоголя!» Гоголь поднимается, и т. д. Только и слышно всю дорогу: «Об Пушкина!» — «Об Гоголя!» — «Об Пушкина!» Так и мы — всё об Пушкина да об Пушкина! И за что его, бедного, пинаем всечасно и прилюдно? Чем, бедолага, провинился?

«Я лиру посвятил народу своему! А. С. Пушкин»* — сам, своими глазами видел такую растяжку на Остоженке в Москве 1999 года. А знакомые говорят, видели и такое: «Умом Россию не понять... А. С. Пушкин»**. Кажется, на Арбате. Похоже, чиновные ревнители русской словесности в буквальном смысле поняли слова Аполлона Григорьева***. Тут только и становится ясно, почему «быть знаменитым некрасиво» (А. С. Пушкин. А почему бы и нет? Пастернак не обидится).

Любовь к Пушкину — наша национальная болезнь. Мы все заражены ею с детства. С молоком матери. И ничего с этим не сделаешь: «Любви все возрасты по-

* Прошу прощения, Н. А. Некрасов.

** Еще раз извиняюсь за бестактность, Ф. И. Тютчев.

*** «Пушкин — наше всё».

корны!»! Но только вот *что* мы любим? Одни говорят — гармонию. Другие — ум. Третьи — свободу духа («Пушкин, *тайную свободу* пели мы вослед тебе». А. С. Пушкин, он же А. А. Блок). Четвертые за ними всё это бездумно повторяют, твердят, талдычат.

«Об-Пушкина, об-Пушкина, об-Пушкина».

Национальный «бо-бок» такой*.

«Пу-Пук»!

Пушкин у всех на устах — и непонят. Даже не прочитан толком.

«Выпьем, добрая подружка бедной юности моей». Это Пушкин няне своей говорит — слышим мы со школьной скамьи, забывая, что «бедная юность» Пушкина протекала «в садах Лицея», «под сенью дружных муз», хоть и в селе, да всё же — в Царском! И где там милейшая Арина Родионовна «подружкой» вместе с юными лицеистами скакала?

«Спой мне песню, как синица тихо за морем жила». Это, говорят, Арина Родионовна сказки Пушкину рассказывала. Простите, какие «сказки», когда черным по белому написано: «Спой мне *песню*»! Ну, это так, отвечают, для красного словца, а на самом-то деле — сказки! «Сказки А. С. Пушкина», должно быть.

Или еще: «Наша ветхая лачужка и печальна и темна». Это он про Михайловское так, объясняют. Как бы ни был скромнен барский дом в Михайловском, но все же нашлось там место и рабочему кабинету поэта, и гостиной с бильярдом, и столовой с фарфором, и девичьей, «царей портреты на стенах» — не так чтобы «лачужка». Что уж говорить о понимании даже не философского смысла этого стихотворения, нет, а просто — его содержания в целом. О чем оно?

Трагедию несостоявшейся судьбы, когда вокруг только хаос снежной бури, вой и плач, когда даже родной,

* Читай одноименный рассказ Ф. М. Достоевского.

любимый человек тебя не слышит, погруженный в дремоту-забытье, когда вместо песни доносится лишь монотонное жужжание веретена и остается только пить горькую, — весь этот ужас безысходности, охвативший лирического героя, преподносят как простенькую лубочную картинку из серии «Пушкин и няня». Да, конечно, все это написано в Михайловском, под впечатлением от той тоскливой и одинокой жизни в заметенной снегами русской деревне, и, несомненно, был этот жуткий зимний вечер, с темнотой, с разбушевавшейся за окнами стихией, с клюющей носом Ариной Родионовной, но стихотворение-то совсем о другом! Из реальных картин и впечатлений Пушкин создал образ колоссального философского содержания, пронзительной лирической силы, а во все не «фотографию на память». Стихотворение названо «Зимний вечер», а не «Зимний вечер в Михайловском». Как говорится, почувствуйте разницу!

И так почти с каждой строкой Пушкина! Чем чаще она звучит, тем меньше ее понимают.

То же и с жизнью Пушкина. Сколько написано прекрасных и достоверных биографий, начиная с добросовестного труда П. В. Анненкова и вплоть до Ю. М. Лотмана! Сколько разнообразнейших сборников воспоминаний! Сколько частных исследований, посвященных отдельным эпизодам и самым мелким подробностям, читая которые невольно вспоминаешь язвительное замечание П. А. Вяземского: «Странный обычай чтить память славного человека, навязывая на нее и то, от чего он отрекся, и то, в чем неповинен он душою и телом. Мало ли что исходит от человека! Но неужели сохранять и плевки его на веки веков в золотых и фарфоровых сосудах?» Фильмы многочасовые — художественные и научно-популярные. Радиопередачи. Сотни школьных часов. А спроси любого (не специалиста), что он знает о Пушкине,